

Павлова Ольга

Тишина белой вороны

Православная проза

Ольга Павлова

Тишина белой вороны

<https://litres.ru/73581023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Легко быть верующим в храме, но каково им быть в школьном коридоре? Костя привык молчать, чтобы не выделяться. Но жалость к тихой Саше и подлость золотого мальчика Артема заставляют его сбросить маску. Пронзительная история о современных подростках, которые ищут правду в мире хайпа, находят мужество прощать и учатся любить, даже если всё вокруг засыпано углем человеческой зависти.

Ольга Павлова

Тишина белой вороны

Костя виртуозно владел искусством мимики. В свои семнадцать он знал: школьный коридор – это не просто путь к кабинету физики, это минное поле, где малейшее проявление искренности чревато социальным взрывом.

Его «броня» была продумана до мелочей. Массивные кроссовки лимитированной серии транслировали статус, а безразмерный худи с агрессивным принтом надежно скрывал тонкий гайтан с крестиком – его главную тайну. Костя выучил язык одиннадцатого класса как иностранный: он умел вовремя вставить едкий комментарий в школьный чат, виртуозно владел циничным «мемным» юмором и, что важнее всего, обладал талантом красноречивого молчания. Когда лидеры класса – «альфы» в дорогих шмотках – высмеивали чью-то нелепую куртку или «отсталые» взгляды, Костя просто усмехался. Эта полуулыбка служила ему пропуском в круг своих: она не требовала прямого участия в подлости, но и не выдавала в нем «белую ворону».

Дома, за закрытой дверью, Костя снимал кроссовки, как рыцарь – тяжелые латы. Он открывал потрепанный молитвослов, и буквы гражданского шрифта казались ему куда более живыми, чем бесконечный поток уведомлений в смартфоне.

Но едва наступало утро, он снова надевал маску «своего парня». Он боялся признаться даже самому себе, что эта маска начинает прирастать к коже, а тихий голос совести внутри становится всё глуше за шумом школьных перемен.

Вне школы у Кости была другая география. Его «точкой сборки» был старый храм на Набережной, зажатый между новостройками и гаражами. Там, в полумраке притвора, он не был «тем парнем в хайповых кроссах». Он был просто Константином, который знал, в какой момент вынести свечу и как не сбиться на чтении Псалтыри.

Но школьные будни диктовали свои правила. В понедельник в классе только и обсуждали, как Артем «развел» новенького из параллельного на глупый спор и выложил видео в сторис. Все смеялись. Костя тоже растянул губы в привычной маске одобрения, хотя внутри всё сжималось от липкого чувства тошноты.

– Костян, ты чего завис? – Артем хлопнул его по плечу. – Видал, какой лох? Скажи же, кринж полный?

Костя почувствовал, как под свитшотом, прямо у сердца, обжег кожу серебряный крестик. Секунда молчания показалась вечностью. Он уже открыл рот, чтобы выдать дежурную шутку, которая окончательно добьет новенького и подтвердит его, Костину, лояльность стае.

Но тут он встретился взглядом с Аней. Она сидела на первой парте, уткнувшись в учебник, но ее отражение в оконном стекле выдавало всё: она не смеялась. Она сжимала ку-

лаки так, что побелели костяшки. В этом отражении Костя вдруг увидел не «королеву школы», а такого же напуганного подростка, который прячет свое живое сердце под слоем телефонного глянца.

– Да ладно, тема закрыта, – внезапно для самого себя бросил Костя, отстраняясь от Артема. – Перебор уже, пацаны. Не смешно.

В классе повисла та самая «неправильная» тишина. Артем прищурился, словно впервые увидел в Косте трещину.

– Ого, наш юморист заделался в адвокаты? Или просто «святым» стать решил на старости лет? – в голосе лидера послышался опасный холодок.

Костя спиной чувствовал, как десятки глаз впились в него, ожидая, когда он даст заднюю, превратит всё в шутку, оправдается. Это был момент, когда белая ворона внутри него впервые расправила крылья, и это было страшно.

Школьная иерархия в их одиннадцатом «Б» была выстроена жестче, чем кастовая система. На вершине пирамиды царила «элита» во главе с Артемом. Это был мир ярких сторис, бесконечных чекинов в модных кофейнях и культа тела. Артем, капитан футбольной сборной и обладатель стотысячного аккаунта, транслировал философию, против которой у подростка не было иммунитета: «Бери от жизни всё, пока молодой». В его мире не существовало полутонов – только успех, драйв и «хайп». Любая слабость или рефлексия клеймились как «отстой» и стирались из цифрового пространства

класса.

Чуть ниже располагались «тихони» – те, кто просто хотел дотянуть до ЕГЭ, не привлекая внимания. Они были серым фоном для сияния Артема, послушно поддакивая его шуткам, чтобы не оказаться в третьей, самой страшной категории.

«Изгой» – это те, кто совсем не вписался. Тот самый новенький с его нелепой сумкой, девочка, которая читала классику на переменах. Над ними было официально разрешено глумиться. Это был своего рода ритуал сплочения «элиты» и «тихонь».

Костя занимал в этой структуре уникальное место. Благодаря уму и умению вовремя отпустить едкий комментарий, он входил в ближний круг Артема. Он был «своим», но на особых правах – эдакий интеллектуальный советник, чье одобрение придавало выходкам Артема вес.

Но именно этот статус делал его внутреннюю жизнь невыносимой. Артем часто цитировал свой девиз как истину в последней инстанции:

– Жизнь одна, Костян! Надо выжать из неё максимум удовольствия. Кто не с нами, тот биомусор.

Костя кивал, а в кармане сжимал четки, которые купил в монастыре прошлым летом. Он понимал: Артем строит свой мир на песке, на мгновенном удовольствии, которое сгорает, как сухая трава. А Костя искал камень. Но заявить об этом

вслух – значило добровольно спуститься с вершины пирамиды в самый низ, к «изгоям». И этот прыжок в бездну одиночества пугал его до дрожи.

Артем выждал момент на большой перемене, когда в коридоре собралась почти вся «элита». Он вальяжно закинул руку на плечо Кости, обдав его запахом дорогого парфюма и мятной жвачки.

– Слушай, Костян, есть тема для разрывного рилса, – прищурился Артем, доставая последний айфон. – Помнишь ту «блаженную» из 9-го «В»? Ну, которая вечно с иконкой на заставке и в длинной юбке? Мы тут решили устроить ей «проверку на смирение».

Костя почувствовал, как внутри всё заledenело.

– Суть простая, – продолжал Артем, не замечая его оцепенения. – Ты подходишь к ней, якобы пообщаться «о душе», а Дэн сбоку незаметно выливает на неё стакан колы. Мы снимаем её реакцию. Если начнет орать – зальем под трек «Тихоня в ярости». Если промолчит – напишем, что она терпела года. Ты у нас парень красноречивый, заговоришь ей зубы в два счета. Твой выход, братан. Это будет пушка, охваты улетят в космос!

Вокруг зашептались, предвкушая зрелище. Кто-то из шестерок уже достал свои телефоны. Артем протянул Косте стакан с липкой темной жидкостью, словно передавал эстафетную палочку.

В этот миг Костя ясно почувствовал голос совести, кото-

рый стучал в его виски и сердце. Брендовые кроссовки, репутация умника, место по правую руку от лидера – всё это вдруг показалось дешевой декорацией, которая вот-вот рухнет. Он посмотрел на стакан, потом на Артема. В глазах Артема не было злобы – только пустота и жажда наживы на чужой боли.

– Нет, Артем, – Костя произнес это тише, чем хотелось бы, но голос не дрогнул. – Это не пушка. Это дно.

Хохот в коридоре оборвался, как по команде. Артем медленно убрал руку с плеча Кости, и это движение было подобно официальному разрыву дипломатических отношений.

– Ты чего, Костян? – голос Артема стал вкрадчивым, опасным. – Хелпером заделался? Или, может, сам из «этих», подпольных праведников?

Костя почувствовал, как горячая волна решимости смыкает многолетний страх. Он больше не хотел молчать.

– Я просто человек, Артем. И она человек. А то, что ты предлагаешь – это не хайп. Это трусость.

Артем криво усмехнулся и, не сводя глаз с Кости, медленно вылил колу прямо на его светлые кроссовки. Темная лужа расплылась по дорогой замше.

– Ой, сорян, рука дрогнула, – бросил Артем под нервные смешки свиты. – Пойдемте, пацаны. Скучный он стал. По ходу, наш Костян реально «переобулся».

Костя стоял один посреди коридора. Кроссовки были безнадежно испорчены, статус «своего» – аннулирован. Но

впервые за все годы в школе он вдохнул полной грудью. Белая ворона сделала свой первый шаг по грязному асфальту.

Аня стояла у окна, сжимая в руках остывший стаканчик с кофе. Она видела всё: и вальяжный жест Артема, и то, как потемнела замша на кроссовках Кости под струей дешевой газировки. В классе воцарилась та вязкая, нехорошая тишина, которая обычно предшествует публичной казни.

Когда свита Артема, гогоча и перекидываясь шутками, скрылась за поворотом коридора, Аня не ушла вслед за «своими». Она медленно подошла к Косте. Тот стоял неподвижно, глядя на темное пятно у своих ног, словно это была не грязь, а граница, которую он наконец переступил.

– Ты с ума сошел? – тихо спросила она. В её голосе не было насмешки, только странная, колючая тревога. – Ты же понимаешь, что он тебе этого не простит? Завтра в чатах живого места не оставят. Сделают из тебя клоуна, «неудачника». Зачем, Кость? Из-за какой-то девчонки, которую ты даже не знаешь?

Костя поднял на неё взгляд. Маска «циничного умника» окончательно сползла, обнажив что-то непривычно спокойное и твердое.

– Не из-за неё, Ань, – он вытащил из кармана простую бумажную салфетку и попытался промокнуть обувь, но пятно толькоросло. – Из-за себя. Надоело дышать через раз.

Аня вздрогнула и оглянулась по сторонам и вдруг сделала шаг ближе, почти вплотную.

– Знаешь... – она понизила голос до шепота, – я тоже это чувствую. Как будто мы все в каком-то пластиковом мешке. Но я боюсь, Кость. У меня тридцать тысяч подписчиков, контракты, имидж... Если я просто лайкну твой пост в защиту кого-то «не того», меня сожрут.

– Сожрут твой имидж, – мягко поправил её Костя. – А душу – нет. Если ты сама её им не отдашь.

Он развернулся и пошел к выходу, прихрамывая на одну ногу – мокрая кроссовка неприятно хлюпала. Аня смотрела ему в спину. Она видела, как он идет по коридору, не пряча и не опуская головы, и поймала себя на мысли, что в этой испорченной обуви и с ярлыком «изгоя» он выглядит гораздо свободнее самого Артема.

На следующее утро «броня» окончательно рассыпалась. Школа встретила Костю не просто холодным молчанием, а ядовитым, организованным гулом. Артем, задетый за живое публичным отказом, включил на полную мощность машину школьной травли.

В классном чате, где еще вчера Костя был «своим», теперь ежеминутно всплывали мемы. На одном лице Кости было прифотошоплено к телу средневекового инквизитора. На другом – видео, где он вчера стоит в облитых кроссовках под звук церковных колоколов.

Артем не ограничился виртуальным пространством. У входа в кабинет химии он преградил Косте путь, демонстративно зажав нос.

– Пацаны, расступитесь! Чувствуете? Ладаном потянуло. Или это просто запах прокисшей совести? – Артем обернулся к свите, и те послушно заржали. – Слушай, «праведник», мы тут скинулись тебе на новые тапки.

Он швырнул под ноги Косте старые, грязные резиновые калоши, найденные где-то в подсобке.

– Как раз для твоего нового прикида. Будешь в них в своей церкви полы мыть. Или ты теперь только по воде ходишь?

Костя чувствовал, как внутри закипает темная, тяжелая обида. Кулаки сжимались сами собой. Один точный удар в эту холеную, смеющуюся физиономию – и всё бы прекратилось. Его бы зауважали за силу. Но за спиной Артема он увидел новенького из параллельного класса – того самого «лоха», которого вчера спасал. Тот смотрел на Костю с ужасом и... надеждой. Если Костя сейчас ударит, он станет таким же, как Артем. Он просто подтвердит их правила игры.

Костя глубоко выдохнул, разжал пальцы и, перешагнув через калоши, спокойно произнес:

– Знаешь, Артем, самое грустное не то, что ты шутишь. А то, что тебе больше нечего предложить этому миру, кроме яда.

Травля перешла в стадию «невидимости». С ним перестали садиться за одну парту, у него «случайно» пропадали тет-

ради, а на спинке его стула кто-то нацарапал крест. «Тихони» отводили глаза, боясь даже поздороваться, чтобы тень «изгоя» не упала на них.

Костя шел по школьному коридору, кожей ощущая на себе десятки колючих взглядов. Без привычной маски «своего парня» он чувствовал себя абсолютно голым, выставленным на всеобщее обозрение в этом безжалостном школьном аквариуме. Раньше его спасали брендовый шмот и вовремя брошенный стеб, но теперь эти доспехи рассыпались в прах.

После шестого урока, когда шум в коридорах стих, превратившись в отдаленный гул, Костя зашел в раздевалку. Его куртка была сброшена с крючка и валялась в углу, истоптанная чьими-то грязными подошвами. Он поднял её, чувствуя, как к горлу подкатывает жгучая, бессильная ярость. Хотелось швырнуть рюкзак в стену и просто уйти, не оборачиваясь, из этой школы, где каждый вдох давался с трудом.

– Не горюй, парень. Грязь – она сверху. Отряхнешь – и нет её. Главное, чтоб внутрь не затекло.

Костя вздрогнул. У выхода, в своей каморке, сидел дядя Семен – старый школьный сторож, которого все считали нелюдимым ворчуном. Он редко выходил из-за своей стойки, вечно что-то чинил или читал при свете настольной лампы.

Сторож вышел к Косте, протянул щетку для одежды и кивнул на куртку:

– Давай, почистим. Артёмка-то наш, он как флюгер: куда ветер дует, туда и он. А ветер сейчас гнилой.

Костя удивленно посмотрел на старика.

– Вы всё видели?

– Я здесь сорок лет сижу, Костя. Я видел, как такие «Артемки» приходят и уходят. А вот таких, как ты, – редко вижу. Чтобы не в ответ кулаком, а правдой в глаза. Тяжело быть белой вороной, когда все вокруг в саже измазаны.

Дядя Семен положил на стол свою книгу, которую читал до этого. Костя узнал знакомый переплет – Псалтырь. Старик заметил его взгляд и едва заметно улыбнулся, одними глазами.

– Думаешь, ты один партизанишь? – тихо проговорил сторож. – В школе ведь как в миру: все боятся показаться «не такими». Но ты запомни: свет-то, он не в толпе, он в тишине рождается. Ты сегодня маленькую победу одержал. Над своим страхом. А кроссовки... – он глянул на испорченную обувь Кости, – кроссовки – дело наживное. Душа важнее.

Костя взял щетку. Ритмичные движения помогали успокоиться. Слова старика, простые и земные, легли на сердце как пластырь на открытую рану. Оказалось, что в этом «аквариуме» он не один. За спиной был не только Бог, но и этот тихий человек в засаленном пиджаке, который видел правду сквозь весь школьный пафос.

– Спасибо, дядь Семен, – искренне сказал Костя, возвра-

щая щетку.

– Иди с миром, Константин. И капюшон не натягивай. Лицо-то у тебя хорошее, зачем его прятать?

Костя вышел из школы. Ветер уже не казался таким холодным. Он знал, что завтра травля продолжится, но теперь у него была тайна, которая делала его неуязвимым.

Костя не стремился к подвигам. Ему хотелось одного: чтобы его оставили в покое. Он привык прятать крестик под высоким воротником свитшота и отшучиваться, когда в компании заходил разговор о «глупых запретах». Быть «как все» казалось безопасной гаванью.

На следующий день Артем перешел черту. В школьном холле, где на перемене всегда толкались старшеклассники, он прижал к стене Сению – тихого парня из параллельного, который вечно ходил с поношенным рюкзаком и ни с кем не спорил.

– Ну что, «стелс», – хохотал Артем, вытряхивая содержимое Сениного рюкзака прямо на пол. – Говорят, ты по праздникам в церковном хоре поешь? А ну-ка, изобрази нам что-нибудь жалостливое. Может, мелочи подкинем.

Сеня стоял, опустив голову, и молча собирал разлетевшиеся тетради. Вокруг собрался кружок «элиты». Кто-то снимал на телефон, кто-то брезгливо усмехался. Костя стоял в паре метров. Внутри у него всё дрожало. Он знал: если сейчас промолчит – останется «своим». Если скажет слово – станет следующей мишенью.

Артем наступил кроссовком на учебник, выпавший из Сениной сумки.

– Ой, наступил, – Артем обернулся к Косте, ожидая привычной поддержки. – Скажи же, Костян, клиника полная?

Костя посмотрел на грязный след на книге, потом на дрожащие руки Сени. В этот миг страх показался ему чем-то липким и постыдным. Он вспомнил тишину храма, в который заходил по вечерам, и ту чистоту, которую так старательно прятал в школе.

– Подними ногу, Артем, – негромко сказал Костя.

Смех вокруг разом оборвался. Артем недоуменно вскинул брови:

– Чего-о-о?

– Просто подними ногу, – повторил Костя. Он подошел, присел на корточки и аккуратно поднял испачканную книгу. Бережно отряхнул его краем своего дорогого рукава и протянул Сене. – Иди в класс, Сень. Я помогу собрать остальное.

Артем стоял, засунув руки в карманы. Его авторитет, выстроенный на насмешках, вдруг пошатнулся от этой простой, спокойной тишины.

– Ну и катись на блюдечке с золотой окоеёмочкой, «правильный», – бросил он, стараясь сохранить лицо, и зашагал прочь, уводя за собой свиту.

Костя остался один в пустом коридоре. Он знал, что его жизнь в школе круто изменится, что в чатах польется яд, а друзья перестанут здороваться. Но, помогая Сени, он впервые за долгое время почувствовал, что ему больше не нужно притворяться. Капюшон больше не давил на плечи.

Вечером кухня встретила Костю запахом запеченной рыбы и уютным гулом работающего телевизора. Мама, Вера Николаевна, разливала чай, а отец, серьезный и подтянутый заместитель начальника отдела, просматривал в планшете новости.

– Костя, что с кроссовками? – мама замерла с чайником в руке, глядя на темное пятно на замше. – Ты же их только месяц носишь. Опять с ребятами в футбол в школьном дворе заигрались?

Костя молча сел за стол. Ему хотелось сказать, что кроссовки – это мелочь, что сегодня он потерял не обувь, а право называться «своим».

– Да так, мам. Случайность, – глухо ответил он.

Отец отложил планшет и внимательно посмотрел на сына.

– Случайность? Мне сегодня звонил отец Артема. Спрашивал, что с тобой происходит. Говорит, ты в школе начал «странно себя вести», с какими-то аутсайдерами связался, лидеру класса хамишь. Костя, у тебя выпускной класс. Артем – сын нужных людей, у вас была отличная компания. Зачем ты портишь себе репутацию из-за ерунды?

– Ерунда? – Костя поднял глаза. – Пап, они издевались над человеком. Над Сеней смеялись. Ты сам учил меня, что мужчина должен иметь стержень.

Отец нахмурился, в его голосе слышалось раздражение:

– Стержень – это умение вписаться в коллектив и выйти победителем, а не становиться посмешищем. Вера – это личное, домашнее. Зачем её напоказ выставлять? Будь умнее, не выделяйся. Хочешь быть «белой вороной»? Тебя же заклюют, и аттестат испортят, и в универ потом с волчьим билетом пойдешь.

– То есть, если все плюют в колодец, я тоже должен, чтобы «вписаться»? – голос Кости дрогнул.

Мама испуганно коснулась его плеча:

– Костик, ну зачем ты так... Папа прав, время сейчас такое – надо быть как все, чтобы чего-то добиться. Мы же тебе добра желаем. Мы гордились, что ты в «элите» школы, что ты успешный, современный...

Костя посмотрел на родителей. Они были хорошими людьми, крещеными, даже иногда заходили в храм поставить свечу. Но их вера была аккуратно упакована в коробку и спрятана на антресоли, чтобы не мешала «успешной жизни». Для них быть «хорошим» значило быть удобным и незаметным.

– Я не хочу быть «успешной тенью», – тихо сказал Костя,

вставая из-за стола. – Извините, я не голоден.

Он ушел в свою комнату, оставив родителей в недоуменном молчании. Впервые он понял, что его «маска» была создана не только для школы, но и для этого дома, чтобы не расстраивать их своим «неудобным» светом. Теперь, когда маска была сорвана, он чувствовал себя сиротой, но эта сирота впервые ощущала за спиной чью-то невидимую, огромную поддержку.

На следующее утро школьные двери казались Косте входом в клетку с хищниками. Артем стоял на крыльце в окружении своей свиты, перегородив проход. В руках он держал стаканчик с кофе, а на лице играла та самая сытая, уверенная улыбка, которая раньше казалась Косте признаком силы.

– О, смотрите, наш аутсайдер явился! – выкрикнул Артем, когда Костя ступил на первую ступеньку. – Что, Костян родители не отругали, что спасаешь неудачников?

Костя остановился. Он чувствовал, как десятки глаз из окон школы прильнули к стеклам. Это был момент, которого Артем жаждал – публичное унижение того, кто посмел выйти из строя.

– Артем, дай пройти, – спокойно сказал Костя.

– А ты попроси вежливо. По-христиански. На колени упади, как твой дружок Сеня вчера, – Артем сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. – Ты же у нас теперь особенный. Белая ворона. Только помни: воронам в нашей стае перья быстро выщипывают.

Он замахнулся стаканчиком, собираясь картинно выплеснуть остатки кофе на куртку Кости. Толпа замерла, предвкушая финал.

Но Костя не отпрянул и не закрылся руками. Он посмотрел Артему прямо в глаза – без злобы, без вызова, а с какой-то странной, нездешней тишиной. В этом взгляде было столько свободы, что Артем на секунду замешкался. Его рука со стаканом дрогнула.

– Ты можешь вылить это, Артем. Можешь испортить еще одну вещь. Но ты не сможешь заставить меня снова притворяться, что мне смешно, когда ты делаешь подлости, – Костя говорил негромко, но в утреннем воздухе каждое слово звенело, как колокол. – Тебе страшно, что кто-то может быть собой без твоих лайков и твоего одобрения. И этот страх – твоя клетка, а не моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.